

ЗИНАИДА ГИППИУС

НЕУЛОВИМАЯ

Зинаида Гиппиус

Неуловимая

«Public Domain»

1897

Гиппиус З. Н.

Неуловимая / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1897

«Мне хочется рассказать, как я был болен и вылечился. Я так радуюсь тому, что вылечился, так часто думаю об этом счастье, что мне ужасно хочется рассказывать. Для этого я должен коснуться трех периодов моей жизни...»

© Гиппиус З. Н., 1897

© Public Domain, 1897

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус Неуловимая

I

Мне хочется рассказать, как я был болен и вылечился. Я так радуюсь тому, что вылечился, так часто думаю об этом счастье, что мне ужасно хочется рассказывать. Для этого я должен коснуться трех периодов моей жизни.

Иначе, как болезнью, я не могу назвать странный случай, который переломил надвое мою жизнь. По существу я здоров, нормален. Моя болезнь была несчастьем, я могу вспоминать об этом затмении только потому, что все минуло. Нет сомнения, что минуло. Но перейду к рассказу.

Я, собственно, никто. Никакого у меня всепоглощающего дела не было никогда. Я кончил университет, очень увлекался игрой на виолончели, поступил в консерваторию, но потом бросил. Я всегда был один, как перст; не помню ни отца, ни матери, ни родственников, ни друзей. Я привык к одиночеству, мне даже странно видеть человека, у которого есть, например, брат.

Надо заметить, что я немного хром и вообще некрасив. Несмотря на это или благодаря этому, я всегда чрезвычайно нравился женщинам. Я не любил ни одной, хотя был очень влюбчив. Мне нравились и брюнетки, и блондинки, в каждой я умел находить только ей присущую привлекательность. У одной были премиленькие ушки, и это стоило того, чтобы поухаживать за ней и получить привязанность, от которой, если она меня утруждала, я очень ловко ускользал. У другой была тоненькая талия. В третьей меня очаровал голос – и я никак не мог устоять против голоса.

Были у меня и такие, в которых мне нравилась только их привязанность ко мне. Эту привязанность я – Боже сохрани – не охлаждал, я только не старался ее раздувать, оставлял, так сказать, про запас. Хотя я к одиночеству и привык, однако чрезвычайно дорожил любовью женщин и молодых девушек: это меня ласкало, нежило, баловало и вообще давало необходимый комфорт.

Но вот на сорок четвертом году моей жизни со мной случилось нечто, прервавшее мирное и удобное течение моих дней.

Однажды после Рождества столпились разные обстоятельства, заставившие меня подумать о временном отъезде из Петербурга. Дело в том, что я занимался теорией музыки с одной очень милой девочкой. Ей было лет четырнадцать или пятнадцать. Я знал ее давно, еще пятилетней. Помимо музыкальных уроков я развивал ее и в других направлениях. Семья была довольно безалаберная. Отец давно умер. Мать, не очень старая, но рано поблекшая, как все женщины южных стран (она была, кажется, испанская донья), целый день спала или грызла пряники, не обращая внимания на дочь. Девочка, которую звали Елена, росла дикой, одинокой, болезненной. Она была очень красива, вероятно похожа на мать в молодости. Бледная, с горящими, как у волка, безумными черными глазами и растрепанными черными волосами цвета ваксы. Она мне нравилась, как хорошенький дикий зверек. Но, чтобы не затягивать рассказа, скажу прямо, что эта милая девочка влюбилась в меня со всей испанской пылкостью. Я даже и не ожидал такой стремительности, с моей стороны не было ни малейшего к тому повода, простые пожатия рук, сильные и частые, правда, но разве этого достаточно? Несколько томных слов... и пожар вспыхнул! Признаюсь, несмотря на удовольствие от сознания, что я опять и опять любим, я был смущен. Такая кастильянка! Я даже чувствовал некоторый страх. Она в случае, если бы я ей не угодил, могла наделать бед, выстрелить в меня, например... Жениться на ней у меня ни малейшей охоты не было. Решительно отдалиться, потерять навсегда при-

вязанность милого существа мне тоже не хотелось. Зачем? Да я не обладаю столь сильным характером, чтобы разорвать грубо зарождающиеся отношения. И я решил пока уехать под каким-нибудь предлогом... Она мне будет писать, я могу даже продолжать ее развитие в моих письмах... А потом все постепенно образуется.

И я покинул мою пылку Леночку. Она бледнела, теряла сознание, говорила сдавленным голосом отрывочные речи, обращала на меня свои темные, горящие глаза – несколько раз я боялся, что выйдет история, особенно при матери. Но мама апатично ела пряники и, намеренно или ненамеренно, ничего не замечала. Несколько раз я сам колебался: уезжать ли? Вдруг Леночка погаснет так же скоро, как вспыхнула? А ведь девочка она преинтересная... но потом, вспоминая, что очень будет хорошо теперь очутиться у Неаполитанского залива, решил: пусть Леночка останется про запас. Если явится особенный каприз, вкус к любви – ну, можно и Леночку. А пока – прогуляемся.

Я поступил чрезвычайно честно тогда. Между нами ничего не было, кроме одного случайного поцелуя, да и тот вышел не по моей вине. Она подстергала меня на лестнице в темноте и бросилась ко мне на шею. Не разыгрывать же мне прекрасного Иосифа!

На словах я тоже ей много не обещал. Сказал, что приеду и что вообще может быть хорошо. Вот и все.

И я уехал. Подъезжая к Варшаве, я уже мало думал о Леночке, а в Вене совершенно ее забыл. Ужасно она забвенная. Не видишь этих глаз огромных перед собою и бледного, как мел, лица – и сразу все забываешь.

Из Вены я поехал в Рим, но там оказалось холодно – и я спустился в Неаполь. Шум этого города сразу расстроил мне нервы. И я решил поселиться где-нибудь потише, поскромнее, тем более, что денег у меня было немного.

II

В Сорренто, в маленьком отеле над обрывом, где за обедом подавали апельсины с ветками и грустные англичанки безмолвно кивали длинными зубами, мне сразу показалось уютно и хорошо. Днем я читал у себя в комнате или в чайной *reading-room*¹, выходящей прямо в садик, после обеда, полюбовавшись на залив и темные огни Везувия, шел бродить по городу, заходил в маленькие кафе, пил ликер или замороженную воду и прислушивался к чужому говору и людским шагам в глубине темных, совсем черных улиц.

Наступала настоящая весна. За высокими каменными оградами уже тяжело и душно пахли апельсиновые цветы.

Один раз я сидел так у входа в небольшое кафе за столиком. Передо мной стояла широкая рюмка с кусочками льда. Я задумался о чем-то и не заметил, как из темноты вышли двое людей, остановились, точно раздумывая, и наконец сели за другой столик, передо мной.

К подошедшему лакею они обратились по-итальянски и спросили, кажется, кофе.

Лакей ушел, а я от нечего делать принялся рассматривать своих соседей.

Это были мужчина и дама.

Мужчину я не мог разглядеть, он сидел ко мне спиной, по тому же, как он держался и ходил, я заключил, что он не молод, и далеко не молод. Зато дама сидела прямо передо мной, я видел и лицо ее, и серую шляпку с полями, и завитки совсем белых, бледных волос на лбу.

Это была даже не дама – а девочка, лет пятнадцати, не больше. Лицо длинное, бледное, как бумага, болезненное, не очень красивое, капризное и такое непонятно-привлекательное для меня, что я как остановил взор, так и не мог отвести его, и все смотрел на измученные и злые черты.

¹ Читальня (*англ.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.